

АНДРЕЙ ТРОИЦКИЙ

ПЕРВОЕ СЕРИАЛЬНОЕ

БУМЕР

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ КУЛЬТОВЫЙ РОМАН

Андрей Борисович Троицкий

Лобовое столкновение

Серия «Бумер», книга 2

OCR Sergius: s_sergius@pisem.net

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121397

Лобовое столкновение: ОЛМА-ПРЕСС; Москва; 2004

ISBN 5-224-04840-0

Аннотация

Напрасно Димон затеял бессмысленную гонку с крутыми пацанами из «лексуса». Разве не с этого момента все пошло наперекосяк в жизни четырех друзей? Пожалуй, нет... По большому счету это произошло гораздо раньше, когда все они встали ни путь криминала! Жизнь так устроена, что всегда найдется кто-то, кто круче тебя. Поэтому каждому крутому парню время от времени приходится доказывать, что ему еще не пришло время умирать... Вот только способы могут быть разными...

Содержание

Часть первая. Прокол	4
Глава первая	4
Глава вторая	28
Глава третья	51
Глава четвертая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Андрей Троицкий

Лобовое столкновение

Часть первая. Прокол

Глава первая

С утра Вадик копался в ванной комнате, промазывая мастикой швы между кафельными плитками. Чтобы закончить всю эту муторную работу, замазки не хватало. Но распечатывать новую пачку, разводить сухой порошок водой, долго перемешивать серый кисель палочкой, дожидаясь, пока он превратится в однородную массу, не хотелось. Поэтому Вадик думал о том, где можно сэкономить материал и пораньше округлить эту бодягу.

Время едва двигалось, кажется, уже перевалило за полдень, а на часах всего без пяти одиннадцать. Поставив баночку с замазкой на угол ванны, Вадим отошел к двери, внимательно осмотрел стены. Местами кафель положен не очень ровно. Не то чтобы это бросается в глаза, но если хорошенько приглядится профессионал, плиточник или маляр – халтуру заметит сразу.

Вадик глубоко вздохнул, будто воз на горку тащил или со-

брался нырять в воду. Посмотрел на часы и, сполоснув руки, вышел на кухню. Какая-то мысль не давала ему покоя, что-то, попавшееся на глаза в коридоре или в ванной, показалось ему странным. На что он обратил внимание и тут же забыл, а теперь вдруг вспомнил об этой занозе.

Вадик вернулся в ванную, с порога оглядел помещение. Перед ним та же стена, с пола до потолка выложенная плиткой, новая раковина салатного цвета, под ней сифон. И еще картонная коробка, в которую свален всякий хлам: пластиковые стаканчики, флаконы с шампунем и бруски мыла в упаковке. Шагнув вперед, он присел на корточки, отодвинул коробку в сторону. Нижняя плитка точно под раковиной приклеена косо, один из углов выпирает наружу. Это не его работа. Вадик постучал по кафелю костяшками пальцев, постарался отковырнуть плитку пальцами – не получилось. Взял в кухне нож и стал ковырять щель между плитками.

Кафелина сидела не на цементе, а черт-те на чем, вроде как на зубной пасте. Через минуту Вадик просунул руку в небольшую нишу под оторванной плиткой, вытащил жестяную продолговатую коробку из-под цейлонского чая, открыл крышку. И в пальцы вступила мелкая дрожь. Доллары, сотенные купюры, толстая пачка, обвязанная аптекарской резинкой. Господи, сколько же тут денег...

– Тетя Тонь, как твои дела? – обернувшись назад, крикнул он: надо знать, где Тоня, не выползла ли в коридор или на кухню. – Может, чайку выпьем?

– Выпей, – отозвалась из комнаты тетка.

Забравшись на стремянку, она подклеивала отставшие уголки обоев. Внизу ее ждала уже нарезанная кайма в цветочек, которую нужно пустить вдоль потолка, заклеив бумажной полосой неровно обрезанные края обоев. Дело подходило к концу, работы в квартире оставалось всего ничего. Если долго копаться, на два дня едва растянешь. А если по-хорошему, так и за день справишься. Но торопиться нет резона, потому что окончательный расчет маляры так и не получили, хозяин квартиры пропал неизвестно куда, не появляется вот уже несколько дней. Скорей бы уж нашелся.

Несколько дней назад Константин Васильевич сунул им денег на жизнь и строительные расходы, докупить кое-что по мелочам. Так денег тех уж и след простыл. Вадик съездил на оптовый рынок, накупил импортной косметики на продажу. И со знакомой проводницей поездом отправил посылку с туалетной водой и губной помадой своей матери в Нежин, чтобы та раскидала товар по лавочкам и лоткам. Хорошо хоть в хозяйском холодильнике есть кое-какие харчи, а в кухонных полочках найдется чай и сахар.

Вадик заперся в туалете и, опустив крышку унитаза, начал считать деньги. Их так много, что Вадик трижды сбивался со счета. Теперь он раскладывал купюры в две стопки. Те что сосчитал – справа, слева – еще не считанные.

– Тридцать тысяч, – прошептал он. – Ну, блин, дела... Тридцать. Дела, блин...

Вадик перехватил пачку долларов резинкой, положил ее на крышку унитаза и долго смотрел на деньги, соображая, что делать дальше. Велик соблазн пошарить по ящикам шкафа, найти иголку с ниткой, разорвав внутренний карман демисезонной куртки, зашить деньги в подкладку. А потом зайти в общежитие, где они с теткой снимали проходную комнатенку с видом на глухой забор и обшарпанный корпус кожно-венерологического диспансера. Побросать в безразмерную сумку свои манатки. И прямой наводкой на вокзал, а лучше в аэропорт. Он долетит до Киева, но в Нежин к матери сразу не поедет, опасаясь погони и жестокой расправы.

На перекладных доберется до Прилук, где в собственном домишке на городской окраине живет старший брат с семьей. У него всегда найдется свободная койка в сараюшке, сколоченном из бросовых досок. Там можно перекантоваться недели две, а то и месяц. Никому не мешая, не попадаясь на глаза местным парням, дожидаться, пока осядет пыль. И осторожно через знакомых выяснить: приезжали по его душу в Нежин бандиты из Москвы или обошлось. Но что случится дальше, если его все-таки станут искать? Нетрудно себе представить.

Нет, поправил себя Вадик, поездом добираться безопаснее. В аэропорту пассажира могут завести в специальную комнату, выделенную для шмона. Если пуговицу от рубашки в жопу спрячешь, и ее обязательно найдут. А потом менты зададут кучу неприятных вопросов. Ехать надо только поез-

дом, и никак иначе. С этим решено. А вот тетя Тоня, как быть с ней?

– Надо поделиться с этой ведьмой, – прошептал Вадик. – Надо поделиться. Иначе... Ничего не получится.

Оттолкнувшись ладонями от пола, он поднялся на ноги, сунул деньги в карман, зачем-то прихватил с собой пустую баночку из-под чая.

* * *

В кафе-баре было так душно, будто рядом за тонкой стенкой всюю топили русскую баню, а в ближнем поселке объявили помывочный день. Пока парни рассаживались за столом, Кот прошел в закуток между залом и кухней. Здесь на стене был укреплен допотопный аппарат с наборным диском. Полистав записную книжку, Кот набрал телефонный номер. Трубку сняли после второго гудка.

– Привет, Кирилл. Узнал?

– Узнал, – в голосе не было ни тихого восторга, ни радости. Только удивление: господи, ты еще жив и даже на свободе?

– Ты сюда больше не звони, – сказал Кирилл. – Я с тобой больше разговаривать не могу. Там все серьезно. Ты потеряйся, чтобы тебя вообще не было. Никому не звони.

– А чего случилось?

– Ты вообще газет не читаешь?

– Не читаю, – Кот спросил себя, где в этой глухомани найти свежий номер газеты, и не нашелся с ответом.

– И телевизор не смотришь?

– Нет.

– Ну, там приколы такие, – Кирилл перешел на интимный шепот. – На днях четыре придурка в ресторане «Тарелка» затеяли разборку. Постреляли четверых бандюков и коллегу моего при исполнении.

– В смысле?

– Велась разработка преступной группировки, которая занималась таможенным конфискатом. В эту группировку был внедрен наш сотрудник. В общем, эти ребята в дерьме по уши. Надеюсь, ты понимаешь, о каких парнях я говорю? В настоящее время их личности уже установлены. Ведется розыск.

Короткие гудки отбоя. Кирилл, даже не договорив, просто бросил трубку. Засунув записную книжку в карман, Кот вернулся в зал и присел за стол. Посмотрел на тарелку борща, которую только что принесла официантка, на секунду закрыл глаза, невольно восстанавливая в памяти ту сцену в «Тарелке». Килла с пушкой, незнакомый мужик, поднявшись из-за стола, лезет пятерней под пиджак. Выстрел. Человек, запрокинув голову, валится на пол. И точка. Этот пункт проехали, обратной дороги нет.

– Давай, Кот, поешь, – сказал Леха Килла. – Я тебе борща взял. Домашний такой, нормальный. Поешь.

Кот молчал, комкая в руках салфетку. Взял ложку, попробовал борщ, но даже не почувствовал вкуса еды.

– Что случилось? – спросил Рама.

Кот поводил в тарелке ложкой, понимая, что кусок в горло не полезет.

– На хера ты вообще шмалять начал? – спросил он Киллу.

– Чего, надо было гладиаторские бои устраивать? – Килла обвел парней взглядом. – Жертвы есть? Пострадавшие?

– Там чувак из Следственного комитета под замес попал. – Кот бросил ложку на стол.

– Во попадалово, – Рама едва не подавился куском хлеба.

– Ну да, не повезло ему, – Килла хлебнул борща. – Оказался не в то время, не в том месте...

– Ты что, не врубаешься? – крикнул Кот. – Стрелок Ворошиловский!

Килла нахмурился, уставился в полупустую тарелку. Похоже, аппетит пропал и у него.

– Я что-то не пойму, – тихо сказал он. – Вы чего, меня крайним хотите сделать? Или я это для себя? Давайте я сейчас пойду мусорам сдамся. А чего мне оставалось делать с этими беспредельщиками? У этого машину отобрали, – он показал пальцем на Димона. – Вас там прессуют. Этот хрен кожаный за своей пушкой полез. Или вы, может быть, терпилами быть хотите?

Килла резко вскочил с места, чуть не опрокинув стул. Уперся сжатыми кулаками в стол.

– А я не хочу! – Килла отошел к окну, отдернув занавеску, скрестил руки на груди. – Чего шмалять начал...

– Да ладно, – сказал Ошпаренный. – Чего ты заводишься?

– А чего он тут наезжает? – прокричал Килла.

– Да успокойтесь вы, – Рама бросил на пол ложку. – Еще не хватало между собой кусалово устраивать.

Килла отошел от окна, сел на прежнее место.

– Где второе? – крикнул он неизвестно куда пропавшей официантке. – Второе?

– Есть, короче, один знакомый, – Кот вытащил из кармана книжку, перевернул пару листков. – Некоторое время можно у него перегаситься. Надо ему позвонить, но не факт, что он на месте.

Кот встал, листая книжку на ходу, исчез в закутке, где висел телефон. Килла наблюдал, как в кафе вошли три мужика средних лет, судя по одежке, покрытой пятнами соляры, водители крупнотоннажных грузовиков. Выбрав свободный столик у двери, сделали королевский заказ: борщ, котлеты, пиво и, главное, по три кусочка хлеба на рыло. Килла, разглядывавший чужаков без всякого интереса, неожиданно поднялся и скрылся в сортире.

– Да, Димон, прикинь, какая хренотень, – сказал Рама. – И как так получилось? Ты им сам, что ли, «мерс» отдал?

– Опять двадцать пять. Да меня прессанули, пока я с ними разговаривал.

Сполоснув руки, Килла вышел из кабинки и направился

к столу, за которым сидели дальнбойщики.

– Это ваши фуры там стоят? – спросил он.

– Ну, чего, н-наши.

Самый высокий из всей троицы, крепкий коротко стриженный мужик, немного заикался, очень медленно, как глубоко засевшие занозы, выдавливал из себя слова. То ли худо соображал, то ли нарочито тягучую речь считал чем-то вроде признака хорошего тона. Килла, любивший давать всем прозвища, про себя тут же окрестил водилу Тормозным.

– Какого хрена вы фуры так поставили? – спросил Килла, не зная, на ком выместить плохое настроение.

– Н-нормально поставили.

– А чего, проблемы? – спросил второй мужик, терзавший хлебный мякиш. Поношенная куртка с меховым воротником, грива волос, давно не знавших мыла, и пропитой низкий голос. Этого типа Килла тут же обозвал Хриплым. Третьего мужика, самого молодого, во время разговора хранившего умное молчание, нарек Молчуном.

– А ты чего, проблем захотел? – наклонился вперед Килла, кажется, готовый ввязаться в драку из-за неосторожно сказанного слова. – Это можно устроить. Запросто.

– Н-ну, чего ты, – подал голос Тормозной. – Отъехать?

– Да не надо, я уж сам отъехал, – увидев, что Кот, закончив телефонный разговор, вернулся, Килла повернул к своему столику.

– Нормально так и не прозвонился, – сказал Кот. – Ответ-

чик срабатывает. Надо ехать.

– Далеко ехать-то? – спросил Рама.

– Километров девятьсот или около того. Ну, это если не по основным дорогам.

– Не доедем, – покачал головой Рама. – Надо заправляться.

– Вон бензин сидит, – Килла кивнул на столик дальнбойщиков. – У них там две фуры стоят.

– Ну, чего, давайте их нахлобучим, – дернулся Димон.

– А я тебе чего говорю, – кивнул Килла. – Пойду пообщаюсь.

Килла встал, пройдя через тесный зал, подсел к водителям, которым уже принесли борща.

– Здорово, мужики, – он постарался улыбнуться. – Далеко едете?

– Почти уже приехали, – ответил Хриплый. – Нас на плече караван ждет.

– Х-м-м... До плеча всякое может случиться.

– Есть какие-то предложения? – Хриплый отодвинул в сторону пачку сигарет.

– Это от тебя должны предложения исходить. Короче, мы едем в ту же сторону. Можем проконтролировать, чтобы с вами и с грузом ничего не случилось.

– Н-ну спасибо, – улыбнулся Тормозной.

– Н-ну, пожалуйста, – в тон ему ответил Килла. – Разумеется, это не бесплатно.

– У нас денег нет, – пробормотал Хриплый, уплетая борщ. – Экспедитор с караваном на плечо уехал.

– Ты думаешь о финансовых проблемах, но забываешь о других, – не сдавался Килла. – Короче, никто вас не торопит. Подумайте.

Килла еще не успел вернуться к своему столику, когда Ошпаренный вылез с вопросом:

– Ну, чего, не прокатило?

– Сейчас шину прострелю – прокатит, – громко, чтобы все слышали, пообещал Килла.

Дальнобойщики выразительно переглядывались, видимо, принимая какое-то решение. Тормозной поднялся на ноги.

– А где тут у вас те-телефон? – спросил он проходившую мимо официантку.

Узнав, что аппарат в подсобке, направился туда. Килла выглянул в окно, увидел, как с трассы к кафешке съезжает спортивная «мазда» и джип «ниссан». Вылезший из джипа молодой человек вошел в зал. Окинув взглядом помещение, обратился к водителям.

– Ваши фуры?

– Да, наши, – кивнул Хриплый. – А чего?

– Ничего. Поговорить надо.

– Да что случилось? Может, здесь поговорим?

– Да фуры надо переставить, – молодой человек покосился на Кота. – Сейчас товар привезут, а ставить негде.

– Пожрать не дают, – Хриплый поднялся, натянув на го-

лову кожаную кепку, кивнул Молчуну. – Пойдем.

* * *

Вадик появился в комнате, когда тетка, спустившись вниз, переставляла стремянку. Он остановился в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку, громко кашлянул.

– Тетя, я случайно нашел тайник в ванной, – сказал Вадик. – А там большие деньги. Тридцать тысяч долларов.

Обернувшись назад, тетка долго хлопала глазами, поправляла на голове косынку, разглаживала ладонью складки комбинезона, не понимая, о чем речь. Какие деньги, откуда? И какой еще тайник? Вадику пришлось несколько раз повторить свои слова, пока до тетки, наконец, дошло.

– Не дури, Вадя, – тетя Тоня уперла руки в бока. – Положи на место, прилепи плитку, как она была. И забудь обо всем, будто ничего не находил.

– Забудь? – переспросил племянник, не веря собственным ушам. – Это как же: забудь?

– Не гневи бога. Этот Константин Васильевич – самый настоящий бандит. У него это на лбу напечатано. Найдет нас и кишки выпустит.

– Где он будет нас искать? – Вадик сунул деньги в коробку, плотно закрыл крышку. – Собака, чтобы наш след учуяла, еще на свет не родилась. Константин Васильевич только наши имена знает. Он даже в паспорта не заглянул. Все недо-

суг было. Все со своей бабой канителился. Или какие-то дела крутил. Темные.

– Ему паспорта без надобности.

– Но как он нас найдет? Как? С фонарями?

– Уж не знаю, как, но он нас обязательно найдет. Господи, эти бандиты такие жадные до денег. Семеныча из Батумского переулка помнишь? Он делал ремонт в Москве одному такому типу. А как расчет получать, ему вместо денег зуботычин надавали. И спустили с лестницы. Он рад был, что кости целы и живой остался.

Вадим начинал терять терпение. Он думал, что разговор у них другой выйдет. Бабье сердце дрогнет, при виде тугой пачки баксов. Как бы не так.

– Тетя, сколько лет нам нужно пыль глотать, чтобы такие деньжищи заработать? Сколько ремонтов надо сделать?

Вадик потряс перед теткиным носом пачкой долларов. Он хотел крикнуть тетке в лицо, что его молодая жизнь засыхает на корню, что девчонка, с которой Вадик гулял будучи студентом, уехала крутить задницей в стамбульском бардаке. Девчонку можно понять. Она не знала, как выбраться из тоски провинциального городка, из этой беспросветной бедности и скуки. Что он мог предложить той девице, которая расцвела, превратившись в настоящую красотку из голливудского фильма. Ну что? Свою убогую комнатенку в хрущобе на дальней окраине, застекленный, висящий в рамке на стене диплом об окончании автодорожного института и слу-

чайные заработки маляра-поденщика? Жалкое существование от халтуры до халтуры? Это даже не смешно. Девчонка не пришла попрощаться, она исчезла навсегда.

Наконец, тетке пора бы знать, что ее никчемная жизнь никому не нужна, даже ей самой. Муж умер, дети разъехались. И нечего бояться, что какой-то московский бандит пришьет ее в темном переулке. Побрезгует испачкаться. А Вадик готов отдать тетке, скажем, три тысячи баксов из тридцати. Даже пять тысяч, лишь бы укоротила язык и поступила так, как он скажет.

– Сколько денег тебе нужно? – хрипло спросил он.

– Подавись своими деньгами.

Вот же упрямая тупая стерва! Вроде бы Тоня еще не так стара, чтобы впасть в маразм. С такими деньгами она еще сумеет устроить личную жизнь, прослышав о ее богатстве, найдется олух, с которым тетка счастливо доживет свой век. Вадик открыл рот, чтобы покрыть родственницу матом, но сдержался. Эдак все испортить можно. Если он один вернется домой с деньгами, бросив здесь тетю Тоню, жди беды. И все мрачные прогнозы непременно сбудутся. Константин Васильевич вернется домой не сегодня, так завтра, выбьет из бабы адрес Вадика. И все, кранты. Хоть сам ползи на кладбище, ищи, где земля помягче, и ложись в могилу.

– Тетя, ведь мы живем, где придется, мотаемся по чужим квартирам, как нищие, – продолжал гудеть Вадик. – Не могу так дальше. Мне тридцать один год. Неужели до старости

горбатиться на чужих людей, в этой грязи возиться?

– Я лучше в чужих углах жить буду, в грязи возиться, чем в канаве подохну.

Собираясь с мыслями, племянник присел на кровать, застеленную пленкой. Ковыряя ногтем царапину на ладони, он искал нужные слова и не мог их найти.

* * *

Когда зал опустел, Рама и Ошпаренный, отодвинув занавеску, стали наблюдать за происходящим на парковке у кафешки.

– Сейчас вообще все позабывают, – сквозь зубы процедил Килла. – Ведь говорил же лохам...

В этот момент появился Тормозной, он успел не только позвонить, но и заскочить в сортир. Ошпаренный поманил его пальцем.

– Эй, иди посмотри, что с твоими дружками делается.

Несколько молодых парней тесно обступили двух дальнобойщиков, прижав их к кабине КамАЗа. Два водилы, втянув головы в плечи, вяло отбрехивались, впрочем, итог разговора был понятен и без слов. От этой сцены за версту пахло жестокой дракой.

– Ну-у, чего делать-то? – выпучил глаза Тормозной.

– А ничего не делать, – вставил замечание Ошпаренный. – Сейчас полфуры отгрузите и дальше поедете. Сколько у вас

денег?

– Ну-у, деньги-то у экспедитора.

– Раз так, иди сам впрягайся, – сказал, как отрезал, Димон.

– Ну-у, баксов триста, – выдавил из себя Тормозной.

– Сколько? – переспросил Димон. – Триста? Маловато будет.

– Нет, ну...

От волнения Тормозной никак не мог склеить очередной фразы. Костян, выступив вперед, похлопал водилу по плечу:

– Короче, как бы там ни было, мы говорим, что это на груз. А ты стоишь и гривой машешь. Понял? Все, пошли.

Кот, а за ним все остальные, вышли на крылечко кафе. Кот быстро оценил расстановку сил и вероятное развитие событий. Кажется, тесное знакомство местечковой братвы и дальнобойщиков уже состоялось. Семь рослых мужиков обступили водителей полукругом, приперли их к фуру, не давая вырваться из кольца. Так просто не убежишь, а начнется мясилька, кулак поднять не дадут, чтобы отмахнуться. Просто затопчут ногами и в один момент, глазом моргнуть не успеешь, ополовинят фуры. А если окажутся очень жадными, могут и весь товар выгрести. Запросто. Братки, повернув головы, мельком глянули на Кота и его парней и тут же забыли об их существовании.

Один из местных с силой толкнул Хриплого в грудь.

– Гони бабки. А то сейчас здесь останешься.

– Да у нас на солярку копейки остались. Все деньги у экспедитора. А мы от каравана...

– Какой на хрен экспедитор? Какой караван? С тебя косяк за проезд.

– Да нет у меня денег.

Кот с парнями неспешно подгреб к группе. Доброжелательно улыбнулся.

– Здорово, ребята. Какие проблемы?

– А вы кто? – спросил мужик в синей шерстяной куртяге. – Откуда нарисовались такие?

– Это вы нарисовались, – ответил Килла. – А мы здесь были.

– Вообще-то это наша точка, – вперед выступил бритый налысо мужик лет сорока. – Мы тут работаем. Люди в курсе. Я – Хмель, а это мои близкие. А вы кто такие?

– А на хрен это обозначалово нужно? – спросил Ошпаренный. – Вообще-то это наш груз. И мы его сопровождаем.

– Какой на хрен ваш груз, – поморщился мужик, начавший разговор. – Ты чего здесь впариваешь? И чего нам этот сиплый про какой-то караван базарил? Вы, чего, нас за лохов держите?

– Да мне по хрену, чего он тут базарил, – сказал Килла и сжал кулаки. Он никогда не уходил от драки, если она назревала. – Ты слушай, чего тебе люди говорят.

– А где вы раньше были? – взял слово Хмель. – Вы знаете, что они нам тут набазарили? Они нам уже должны. – Хмель,

не вынимая рук из карманов кожанки, посмотрел на Хриплого. – Ты чего тут говорил, что соляры у тебя нет? Что денег у тебя нет?

Хриплый очумело вращал глазами, не зная, что говорить, как складно врать дальше, чью сторону принять. Он вдру почувствовал, что жизнь его повисла на тонком волоске и прямо сейчас, в сию секунду, по этому волоску могут чикнуть бритвой. Ошпаренный дернулся вперед, отрезая Хмелю путь к дальнобойщику, встал перед Хриплым.

– Тебе сколько раз говорить, чтобы ты без нас пасть не раскрывал, – диким голосом заорал Димон. – Ты нас что, лбами хочешь столкнуть? Лбами?

– Да я...

– Иди в кабину, сука.

– Да я всего и говорил...

Хриплый не успел закончить фразу. Кулак Димона врезался ему в живот. Второй удар пришелся в грудь, чуть ниже сердца, перебил дыхание. Хриплый, как выброшенная на берег рыба, хватал воздух широко раскрытой пастью, но дышалка почему-то не работала. Димон навернул в живот и снова в грудь. В кулаках не было ни тяжести, ни силы. Но удары оказались точными, прицельными. Димон не хотел увечить человека, но халтурить нельзя, иначе фальшь заметят все. Хорошо бы этому черту кровь пустить, для большей достоверности, но Хриплый закрывал шею и лицо предплечьями, и никак не пробьешь эту защиту.

– Л-ладно, оставь его, – попробовал вмешаться Тормозной.

Ошпаренный шагнул к нему, хотел ударить лбом в нижнюю челюсть, в кровь разбить губы. Но Тормозной слишком длинный мужик. Хрен до него допрыгнешь. Ошпаренный обеими руками толкнул его в грудь с такой силой, что тот едва на ногах устоял.

– Иди отсюда, – заорал Димон. – Иди. Тебе сколько раз говорить, чтобы ты нормальных людей на работу брал?

– Хорош, брателла, успокойся, – сказал Кот, обхватив Димона за плечи, и обратился к Хмелью: – Вот, ребята, из-за этих чертей какая непонятка может получиться. Мы вообще с Сухарем работаем. А вы чего, пацаны, здесь на теме сидите, что ли?

– С Сухарем? – переспросил Хмель. – Ну, знаем. Ну, ладно, пацаны, счастливо вам доехать.

Хмель протянул лапу.

– Давайте, пацаны, – Кот потряхнул ладонь. – Удачи.

Быстро дошагав до бумера, забрались в салон, наблюдая, как водилы занимают места в кабинах двух грузовиков.

– Что-то не нравится мне это, – сказал один из местных парней. – Фуры они сопровождают. У бумера номера московские, а у фур хрен знает какие.

– А вы пробрили, что в фурах? – спросил Хмель.

– Вроде водяра в ящиках. Пойду-ка тормозну их. Пробью.

Парень в синей куртке подбежал к бумеру, через опущен-

ное стекло засунул морду в салон.

– Чего везете-то, пацаны?

– Чего, так интересно? – спросил Рама.

– Да, – кивнул парень. – Наши парни интересуются.

– Да это типа... Ну... Горилка.

– Может, и нам пару ящичков подгоните?

– Да нет, пацаны, – нашелся с ответом Кот. – Сивуха.

Потравитесь. Мы лучше на обратном пути чего-нибудь нормального закинем.

– Ладно, пацаны, удачи.

Парень отошел от машины. КамАЗы отъехали от стоянки.

Бумер уселся на хвост последнего грузовика.

* * *

К вечеру выпал снег и не растаял. Стрепетов болтался возле магазина «Булава», не решаясь переступить порог и поговорить с продавщицей Дуськой Копыловой, выплеснуть все, что накопело на сердце. Он заранее, еще со вчерашнего дня, обдумывал предстоящий разговор. Он напрямик врежет Дуське, что больше так не может жить. Жена ест его поедом, ревнует, ласки лишает. А за что? В чем вина старлея? Вот если бы они с Дуськой жили, как мужик с бабой, тогда все его страдания и лишения были бы чем-то оправданы. Стрепетов начнет с простой фразы: «Я больше не хочу, чтобы ты отворачивалась, когда я захожу в магазин».

Он давно приторчал к Дуське и теперь должен добиться взаимности. И пусть она не думает, что старлей крохобор и жлоб. Ради нее он готов на многое, нет, он готов на все, на любые безумства, на любые траты. Хоть завтра они с Дуськой поедут в район, в центральный универмаг «Буревестник». И там, на втором этаже, в отделе готовой верхней одежды, Стрепетов купит ей зимнее пальто с воротником. И еще сапоги. Да, сапоги, на широкой каучуковой платформе, чтобы Дуська по пути на работу не поскользнулась и не ушибла мягкого места. Там, в «Буревестнике», она увидит и поймет всю широту натуры Стрепетова, оценит его золотое сердце.

И тогда начнется их... Что начнется дальше, старлей точно не знал. Но от картин, которые рисовало воображение, дух захватывало. Вот они с Дуськой в сенном сарае у реки. Сено мягкое и душистое... Впрочем, все это будет позже.

Он переступил порог и вошел в торговый зал, боясь, что снова растеряет все нужные слова. Не надо было много пить перед этим разговором, но теперь поздно жалеть. И за пять минут не протрезвеешь. Он больше так не хочет – это главное. А там разговор сам пойдет. Стрепетов остановился и кашлянул в кулак.

Вместо Дуськи за прилавком стояла ее мать Татьяна Васильевна. Все слова потерялись, как пуговицы от ширинки. Эти пуговицы супруге Стрепетова недосуг было пришить на место, вот теперь ищи их непонятно где или ходи с расстегнутой мотней.

Он подошел к прилавку, сунул руки в карманы бушлата. Хотел спросить, что с Дуськой, почему мать подменяет ее на работе. Но вместо этого попросил бутылку водки, положил деньги за выпивку на весы. А потом достал из кармана сувенирную двухдолларовую купюру, что забрал у парней из БМВ, показал ее Дуськиной матери.

– Видала? – спросил Стрепетов. – Банду фальшивомонетчиков накрыли. И знаешь, на чем прокололись? Два бакса вместо одного печатали.

Татьяна Васильевна сегодня же расскажет эту историю дочери. Пусть Дуська знает, что Стрепетов не хреном груши околачивает, а занимается серьезной розыскной работой, жизнью рискует, под пули подставляется. Вот банду фальшивомонетчиков накрыл. Не каждый столичный сыщик похвастается такими успехами.

– Совсем нас за дураков держат.

Он забрал купюру, сунул во внутренний карман бушлата бутылку водки и вышел из магазина. Стрепетов подумал, что двухдолларовая бумажка приносит ему одни несчастья, и тут же забыл свою мысль.

К вечеру Стрепетов основательно набрался. И надо было остановиться, вернувшись домой, рухнуть на кровать и захрапеть, отвернувшись к стенке. Но тормоза уже не держали. В придорожном ларьке он запил все пивом и окончательно окосел.

Когда стемнело, Стрепетов оказался в доме майора Гороб-

ца, своего соседа через улицу. Здесь уже второй час полным ходом шла гулянка: Горобец купил новую «шестерку», сегодня покупку обмывали сослуживцы и соседи, а завтра нагрянет многочисленная родня. Не снимая бушлата, Стрепетов вошел в комнату, поставил на стол бутылку, чтобы все видели: он пьет не на халяву, как некоторые. Старлей помахал в воздухе двухдолларовой бумажкой, гаркнул, что он накрыл банду фальшивомонетчиков. Но никто его не слушал, каждый бухтел что-то свое, поднимали рюмки за новую машину и здоровье майора.

Стрепетов плеснул себе стопарик, вспомнил, что надо бы отлить, а уж потом приземлиться на свободный стул. Вышел из дома на темный двор, держа в руке сувенирную бумажку.

– Всех накроем, – пробормотал он, справляя нужду. – Всех...

В лицо попала горсть снежинок, колких, как толченое стекло. Налетевший ветер вырвал из пальцев сувенирную бумажку, бросил ее на снег, куда-то в щель между забором и куском шифера. Вздохнув, Стрепетов наклонился, протянул руку.

– Всех накроем, – сказал он.

В следующую секунду старлей услышал щелчок капкана. Железная пасть сомкнулась, прихватив кисть правой руки. Майор Горобец тоже ставил капканы от проклятой лисицы.

Старлей что-то прокричал во все горло, покатился по снегу, завыл от боли. Цепь капкана ползла за ним по земле, как

черная змея. Стрепетов подумал, что сухожилия перерезаны острыми шипами капкана, этой рукой ему уже никогда не сжимать табельный пистолет, баб не ласкать, и о Дуське придется забыть навсегда. Из милиции его спровадят на пенсию, а молодой бабе без надобности пенсионер с изувеченной рукой, которая наверняка начнет сохнуть. И доктора от него откажутся.

Когда эти мысли ударили в голову, боль сделалась просто невыносимой. В доме открывались окна, высывались чьи-то рожи. Люди переговаривались, что-то кричали, но старлей не мог разобрать слов. Он катался по снегу, дергал ногами и блажил. Перед глазами стояли вишневые пятна. То ли мерещилось, то ли он видел свою кровь на снегу.

Глава вторая

Телефон зазвонил так неожиданно и громко, что Вадик вздрогнул. Подскочив на ноги, заспешил на кухню. Сорвал трубку, боясь услышать хозяина. Но голос оказался женским, звонила та самая симпатичная девка, которую Вадик несколько раз видел вместе с Константином. Как-то раз она приходила на квартиру в отсутствие хозяина, что-то стряпала на кухне, по повадкам видно, Настя чувствовала себя здесь хозяйкой. И кровать бывает застелена так аккуратно, как мужик никогда не застелит, значит, девка оставалась на ночь. Она не похожа на дешевую сучку. Но что связывает этих совершенно разных людей? Настоящее чувство или так...

Весьма возможно, что тайник в ванной оборудовала именно девица, а не хозяин хаты. Константин Васильевич наверняка не догадался бы приклеить плитку на зубную пасту. Да еще так неровно. Рубль за сто, что это бабская работа. Вадим представился, но Настя уже узнала его по голосу.

– Скажите, когда последний раз Костя появлялся на квартире? – голос напряженный, аж дрожит. – Ведь вы его видели?

– Конечно, видел вашего Костю, – не подумав, брякнул Вадим, он сочинял ответы на другие вопросы. Запоздало понял, что сказал что-то не то, не так, но отступить уже поздно,

надо идти до конца. – То есть... Ну да. Вчера Константин Васильевич зашел, нашу работу посмотрел. И... Посидел на кухне... Короче говоря, он здесь был совсем недолго.

На пороге появилась тетка. Она напряженно вслушивалась в разговор и хмурилась.

– Вот как? – голос зазвучал тише, спокойнее. – Я звоню на его мобильник, но отвечают, что телефон вне зоны досягаемости. Вы не знаете, с Костей все в порядке?

– Я всего лишь маляр. Он меня в свои дела не посвящает.

– Ну а как он выглядит?

– Нормально. Кажется, не похудел. Все шутит, прикалывается. Как обычно.

– Все шутит... Понимаю, но... Но мне почему-то не до шуток. Тогда вот что. Сделайте одолжение. Не могли бы вы передать Косте, что меня отправили в срочную командировку в Нижний Новгород. Тут проходит семинар для иностранных бизнесменов и больших московских шишек. Я не могла отказаться от этой командировки. Запишите, пожалуйста: Нижний Новгород, гостиница «Октябрьская».

Настя трижды повторила телефонный номер и добавила, что связаться с ней можно и через администратора семинара, продиктовала второй телефон. Вадим, взяв чайную ложечку в щепоть, острым концом поводил по пластиковой поверхности стола, будто и вправду что-то записывал.

– Я все написал на листке, – сказал он. – Оставлю хозяину записку. Если сам его не увижу, то бумажку он точно найдет.

– И еще вот что напишите. После Нижнего Новгорода меня с нашей делегацией могут отправить чартерным рейсом в Париж. Там что-то вроде собрания европейских бизнесменов. Я постараюсь отказаться от этой поездки. Но точно не знаю, смогу ли. Так или иначе, пусть Костя не волнуется. Эта командировка всего на четыре дня. Короче говоря, я скоро вернусь. Вы записали?

– Все записал, а как же, – усмехнулся Вадим. – Вы собираетесь в Париж. На четыре дня. И велели кланяться.

– Вот спасибо. Скажите ему или напишите, что свой мобильник я оставила в Москве, поэтому он не отвечает. И еще передайте... Нет, это я уже сказала. Значит, с Костей все в порядке? Ах, я об этом уже спрашивала. Просто я очень волнуюсь. Все одно к одному. Эта дурацкая командировка, эти заморочки... И вот теперь Костю не могу нигде разыскать. Он вам не сказал, куда он отправился?

– Малярам такие вещи знать не положено, – покачал головой Вадим и забросил удочку. Если тайник устроила баба, он все поймет по голосу, по интонации. – Но я хотел сообщить одну новость. Неприятную. Мы с тетей Тоней пришли сюда утром, а входная дверь не заперта. Толкнул, а она открылась. Вошли в квартиру. А вещи выброшены из шкафа, там что-то искали. И в стенном шкафу тоже все перевернуто вверх дном. Но, кажется, ничего не пропало. Телек на месте и магнитола.

– Сомневаюсь, чтобы это были воры, – ответила Настя. –

Воры не ходят по квартирам, из которых нечего взять. У Кости два шкафа, кровать и старый телевизор. Все более или менее ценные вещи он уже раздарил или продал. Нет, скорее всего Костя приходил второй раз, искал что-то.

– И еще вот что: вчера заходил капитан милиции... Как его там? Сербин или Саблин. Не помню. Короче, участковый инспектор. Спрашивал про Константина. Часто ли он тут появляется. Когда последний раз приходил. И всякое такое. Я ответил, что ничего не знаю. Мол, хозяин вернется через несколько дней. А когда точно, без понятия.

– Участковый? – переспросила Настя. – Странно. Раньше тут никакие участковые не появлялись. Он ничего не объяснил?

– Дождешься от него объяснений, – усмехнулся Вадик. Про себя решил, тут одно из двух: или у бабы стальные нервы, или тайник не ее. – А... Еще забыл совсем. Еще в ванной комнате одна плитка оторвана от стены. А под ней что-то вроде ниши.

– Вы уж приклейте плитку на место. Если не трудно.

– Но мы боимся здесь оставаться. Вдруг опять придут воры.

– Не говорите глупостей. И работайте спокойно.

Настя сказала несколько общих фраз и положила трубку. Это выяснили: тайник сделал хозяин. Вадик прикурил сигарету, подмигнул тетке одним глазом.

– Звонила баба этого Кости, – сказал он. – Говорит, что

уехала в другой город. И даже не знает, когда вернется.

Тетка не слушала.

– Зачем ты соврал?

– Затем, что мы сейчас отсюда сматываемся, – Вадим под-
нялся. – Выбрасывай вещи из шкафов. Пусть все выглядит
так, будто сюда забрались воры. Теперь, хочешь ты того или
нет, нам придется до конца стоять на этом. Пришли, дверь
открыта... Короче, ты все слышала. Иначе нам с тобой...

– Дундук ты, Вадим, – тетка обреченно покачала головой,
она готовилась к худшему развитию событий. – Какой же ты
дундук.

* * *

В третьем часу тетя Тоня и Вадим заперли квартиру, спу-
стившись вниз, бросили ключи в почтовый ящик и вышли из
подъезда. Вадим тащил сумку, набитую вещами, а на плечо
повесил рюкзак из синтетической ткани, тоже наполненный
под завязку. В сумке, разложенные в три целлофановых па-
кетика, прикрытые сверху твердым днищем и барахлом, ле-
жали тридцать тысяч баксов. Зашивать деньги в подкладку
куртки – глупо, решил Вадик в последний момент. Верхнюю
одежду придется снимать. А вот спортивная красно-синяя
сумка – всегда на виду, под рукой.

Перед уходом Вадик вытащил из шкафа пару спортивных
костюмов, почти новых, несколько раз надеванных, к таким

он пристреливался в магазине, но все денег не хватало. Еще захватил кроссовки «Пума», кожаную куртку, пару толстовок и свитер. Все вещи первоклассные, фирменные, а не та вьетнамская левотень, которой завалены столичные барахолки. Проблема в том, что толстовки и свитер с горем пополам носить можно, а вот спортивные костюмы велики Вадику, болтаются на нем, как на вешалке. И по росту совсем не то. Штаны топорщатся гармошкой, висят мешком на заднице, а рукава курток закрывают ладони. Конечно, отхватив такие бабки, вещи можно было и не трогать. Но, с другой стороны, зачем оставлять добро, если пропажу все равно спишут на местное жулье. Ведь шмотки – те же деньги. На родине их можно выгодно обменять на что-то путное или толкнуть через комиссионку.

Чтобы сэкономить время, в общежитие решили не заворачивать. Термос, кипятильник и негодные тряпки пусть достанутся новым постояльцам. На остановке тетя Тоня все вытирала платком мокрый нос и горестно вздыхала, будто не вытащила самый счастливый в жизни, лотерейный билет, а возвратилась с поминок дорогого человека. Автобус подошел не скоро, Вадик, потеряв терпение, уже приготовился тормозить левака.

* * *

Беда стряслась, когда Вадик задержался на десять минут

возле обменника у Киевского вокзала. Разбив сто баксов, он свернул в сторону рынка. Двоюродный брат просил привезти из Москвы мягкую игрушку для младшей дочери. Какого-нибудь прикольного тигренка, слоника или в крайнем случае собачку. В Москве такого добра навалом, а вот в Прилуках с фонарями не найдешь. И цены здесь божеские.

Вадим, пробиваясь через встречный поток пешеходов, шагал к рынку и думал о том, что скоро навсегда уберется из этого города, который в душе ненавидел и презирал. Беспокоиться не о чем и торопиться некуда. Тетя Тоня, запив желудевым кофе буфетные пирожки, устроилась на скамье зала ожиданий и, натянув на глаза косынку, задремала. До поезда еще добрых три часа с лишком, билеты в кармане, спортивная сумка в руке, а рюкзак на плече.

Буквально в ста метрах от торговых рядов Вадима остановил наряд милиции. Прапорщик, мордастый краснощекий парень, которого, судя по тупой роже, недавно отчислили из милицейской школы за неуспеваемость и пьянство, долго вертел в руках паспорт гражданина Украины, слюнявя палец, переворачивал страницы, мусолил билет на поезд. И все оглядывался на младшего сержанта. Кажется, менты соображали и не могли сообразить, к чему придраться, чтобы доставить этого субъекта в линейное отделение.

– Что у вас в рюкзаке и сумке? – спросил прапор.

– Кое-какие шмотки в Москве прикупил, – без запинки соврал Вадим. – На рынке.

– Что еще? Что кроме шмоток?

– Ничего. Только тряпки и кожаная куртка.

– Хорошо, – кивнул мент. – Пройдемте с нами. В отделение.

– Но почему? – искренне удивился Вадим. – Если вы мне не верите, я открою сумку и рюкзак. Сами посмотрите.

– По закону не имеем права проверять вещи на улице, – прапорщик сунул документы во внутренний карман бушлата. – Вперед, гражданин Супрунец.

В отделении чемодан и поклажу пассажира с Украины оставили на большом столе в помещении дежурной части и, кажется, даже не прикоснулись к сумке и рюкзаку, «молний» не открыли. О существовании Вадима забыли, едва заперли его в клетку. Здесь на жесткой скамье дремала местная потаскушка с подбитым глазом и подросток лет пятнадцати, не находя себе занятия, то бродил из угла в угол, то останавливался и принимался клянчить сигареты.

– Да отвяжись ты, – морщился Вадим. – У ментов попроси.

Дверь в дежурную часть была распахнута настежь. Слышались веселые голоса, смех. Вадим напряженно прислушивался к разговорам, но не мог разобрать слов. Через четверть часа перед решеткой появился дежурный офицер. Он, ни о чем не спрашивая, долго разглядывал физиономию Вадима, переводил взгляд на лист плотной бумаги, который держал в руке. На листке был напечатан чей-то портрет. Наконец, по-

жав плечами и хмыкнув, капитан потопал обратно в дежурку.

Вадим догадался, что задержали его не случайно. Скорее всего прапорщик, остановивший его возле рынка, решил, что пассажир похож на объявленного в розыск бандюгана или, бери выше, террориста. Окончательно потеряв терпение, Вадим стал дергать дверь клетки, сваренную из арматурных прутьев, греметь замком позвать офицера. В душе он надеялся, что недоразумение скоро разрешится и он еще успеет на поезд.

Капитан вышел из двери дежурной части, остановившись перед клеткой, сказал:

– Слушайте, гражданин, чем тише вы будете себя вести, тем скорее отсюда выйдете. Понятно?

– Я не вор и не убийца. Я всего лишь маляр. И возвращаюсь на родину.

– Я тоже возвращаюсь на родину, – капитан зевнул. – И все никак.

– Но у меня поезд...

– У меня тоже поезд, – ответил мент и ушел.

Подросток засмеялся. Потаскушка проснулась, плюнула на пол и попросила сигарету. Вадим постарался успокоиться. Все наладится, менты вспомнят о нем и отпустят на все четыре. И правда, не прошло и пяти минут, как клетку открыли, старый знакомый прапорщик приказал Вадиму выйти, забрать из дежурки вещи и следовать за ним. Задержан-

ного вывели через заднее крыльцо, засунули в канареечный «газик» и повезли неизвестно куда. Но ехали недолго.

Выгрузились у трехэтажного здания ОВД, похожего на среднюю школу, в дежурке снова отобрали вещи, спустили в полуподвал и без всяких объяснений засунули в пустую камеру в конце коридора. Дверь захлопнулась. Присев на деревянный настил, Вадим стал взвешивать шансы. Получалось пятьдесят на пятьдесят. Перетряхнут сумку вверх дном – возможны большие неприятности, побрезгуют копаться в тряпках немытого маляра – все обойдется. Не прошло и часа, как задержанного выдернули из камеры, через коридоры и лестницы провели в следственный кабинет на втором этаже.

* * *

К месту ночевки дальнобойщиков, в голую низину возле шоссе, подъехали, когда совсем стемнело. В свете горящего костра можно было разглядеть несколько КамАЗов с прицепами, стоящих на приколе. Чуть поодаль два строительных вагончика, снятых с колес. На свободном месте в землю врыто четыре столба, над которыми натянут брезентовый тент.

Костян, сидевший за рулем, включил фары дальнего света и нетерпеливо посигналил. Показавшийся на свету Тормозной замахал руками.

– С-сейчас деньги принесем, – и обратился к Хриплому:

– Чего расселся, пошли.

Хриплый и Тормозной двинули мимо бытовок и костра, протопали вдоль самодельных скамеек и длинного стола, сбитого из неструганых досок и освещенного тусклым желтоватым светом переносной лампы. Здесь ужинали строители, занятые на прокладке газопровода у ближайшего поселка, несколько водителей, пара потаскушек, подрабатывающих на трассе. Народ в основном чужой, малознакомый. Ужинали чем Бог послал – на столе банка скукоженных соленых помидоров, пара жестянок с рыбными консервами, сардельки, разогретые на огне. В пластиковых тарелках кусочки подгоревшего мяса, сдобренные томатным соусом, несколько бутылок водки. Строители гомонили, не слушая друг друга, шалава в красной куртке ржала без остановки, будто ей черти пятки щекотали. Водители, уже хорошо налитые, тоже что-то орали, стремясь перекричать друг друга.

Надвинув козырек кожаной кепки на глаза, Хриплый мрачнел, хмурился, иногда ладонью поглаживал грудь, проверяя, не сломаны ли ребра. Но характерного хруста, острой боли не было. Возле той кафешки Димон от души приложил его ботинком, в кураже совсем пришибить мог. Хриплый думал о том, что самое страшное, что могло с ним произойти несколько часов назад, не произошло. Бог миловал, пожалел. А вот перспектива заплатить каким-то залетным архаровцам деньги за то, что они спасли от местных беспредельщиков его самого и товар в фурах, почему-то не грела душу. Как

этот костер в ночи. Триста баксов... Деньги немалые. И если уж до конца разобраться, оказанная услуга на такие бабки не тянет.

– Нормально доехали? – спросил экспедитор, дородный дядька, сидевший с непокрытой головой, будто холод и злой ветер ему нипочем. – Думал, вы только к утру дотащитесь.

– Доехали-то нормально, – ответил Хриплый и многозначительно откашлялся в кулак. – Можно так сказать: нормально.

– Н-но надо триста баксов, – добавил Тормозной.

– Кому? И за какие еще заслуги? – удивился экспедитор, потирая ладонью дубленую морду. – А?

– Да там бандиты на нас наехали, – ответил Хриплый. – Чуть товар не сгрузили.

– Р-ребята выручили, надо заплатить, – пояснил Тормозной.

– Тоже бандюки. – Хриплый неожиданно рубанул ладонью воздух. – Бандюки натуральные.

– Да что я тебе, триста баксов высру? – усмехнулся экспедитор.

– Тихо, тихо, здесь дамы, – кто-то из строителей обнял за плечи шалашовку в красной куртке. Баба засмеялась.

– Чего за ребята? – недобро зыркнул экспедитор.

– Четверо из «бээмвухи».

– Ну и пошли их в даль светлую.

– Их, пожалуй, пошлешь...

– А будут залупаться, – сказал строитель, обнимавший девку, – мы их просто отмудохаем.

– А ты вспомни, как тебя пятеро отметелили, – крикнул Хриплый экспедитору. В душе росла и крепла уверенность, что поборы несправедливые. Отдавать триста баксов никак нельзя, а вот шеи намылить этим молодцам... Что ж, это можно, даже нужно. Только бы водители приняли его сторону.

– А, вспомнил? Сколько они, бандюки эти, нашей крови попили? А ты, Михалыч, забыл, как твою машину спалили?

– Не забыл, – откуда-то из темноты отозвался Михалыч. Он расстегнул верхнюю пуговицу военного бушлата и положил на доски стола пудовые кулаки. – Было дело, было...

– Федорыч, – не унимался Хриплый, – чего молчишь-то? Эх...

Федорыч не ответил, только поднял воротник телогрейки и пониже натянул вязаную шапочку. Хриплый взял со стола бутылку и залпом выпил целый стакан.

– А я вот что скажу, – разошелся экспедитор. – Мы сейчас их повредим немного. А потом ментам сдадим. А?

– Давно пора, – крикнул кто-то. – Проявим гражданское сознание.

– Пошли... Только на посошок примем немного.

Хриплый отступил в тень. Разогретые водкой шоферюги завелись с пол-оборота, без долгих уговоров и агитации приняли его сторону. В самое время они приехали. Окажись они

тут чуть раньше, по трезвому делу, в драку никто бы не полез, на хрен кому надо. Ну а позже застали бы коллег слишком пьяными для такого дела. А вот сейчас в самый раз. Боевой дух на подъеме, и физическая форма в порядке.

Экспедитор поднял стакан.

– Ну, мужики, вздрогнули, – сказал он, играя желваками. – И пошли.

Сжимая и разжимая кулаки, Хриплый нетерпеливо топтался возле стола, чувствуя, как кровь закипает в жилах, щеки розовеют и шея горит. Тормозной отошел в тень, повернул за угол бытовки, будто по нужде. В секунду долетел до площадки, где в окружении фур стоял бумер, стукнул костяшками пальцев в заднее стекло.

– Ты чего так долго ходишь? – не вылезая из машины, спросил Димон.

Вместо ответа Тормозной отошел подальше, спрятавшись между грузовиками, дождался, когда подойдут Рама и Килла. Сунул им деньги.

– Т-тут сто пятьдесят, – сказал он. – Не долларами, рублями. Это только за меня. Уезжать вам надо, ребята. Их там человек пя-пят-надцать.

Через лобовое стекло бумера Кот видел, как они один за другим почему-то поднимаются из-за стола. Отбрасывая на снег длинные причудливые тени, водители неторопливо двинулись к машинам. Шли, коротко переговариваясь, потирая ладони, будто хотели согреться, впереди экспедитор с намо-

танной на руку толстой длинной цепью.

Кот сообразил, что дело принимает скверный оборот, намечается что-то серьезное, расклад сил явно на стороне противника. КамАЗ, стоявший перед бумером, включил фары, неожиданно двинул вперед и, остановившись, перекрыл БМВ выезд с площадки. В кабине грузовика сидел Хриплый. Ошпаренный и Кот выскочили из машины.

– Эй, ты, охренел так машину ставить? – прокричал Кот.

Но его крик утонул в звуках пыхтевшего дизеля. Димон побежал к КамАЗу, обогнув грузовик спереди, вскочил на подножку, раскрыл дверцу и упал на сиденье.

– Ты охренел, что ли, Хриплый? – спросил Димон.

Кот сделал несколько шагов вперед и налетел на экспедитора.

– Кому тут триста баксов? – крикнул тот. – Тебе? На, получи!

Сохраняя почтительную дистанцию, он взмахнул цепью, Кот успел отскочить назад, понимая, что места для маневра совсем немного. Цепь просвистела над головой, Костян сделал уклон вправо. Но экспедитор после неудачного удара только вошел во вкус. Закинув свое орудие за спину, он резко выбросил руку вперед, сделав удар с оттяжкой, проехался цепью Костяну поперек живота. Когда цепь обвила противника, экспедитор рванул ее на себя. Кот ощутил такую жгучую боль, что свет померк в глазах, казалось, раскаленной кочергой по голому телу прошлись. Цепь разорвала куртку

по шву, содрала кожу с ребер. При следующем ударе Кот попытался схватить цепь. Но хитрость не удалась, он получил такой удар в предплечье, что вскрикнул от нестерпимой боли и отступил.

– Ну, тварь, это тебе триста баксов? – прошипел экспедитор. – Тебе? Отвечай, когда спрашивают.

Кот попытался выбросить вперед ногу, зацепить коленный сустав противника. А там, даст Бог, удастся повалить его на снег, лишив всех преимуществ. Но экспедитор словно прочитал чужие мысли. Размахивая цепью вокруг себя, он оставался практически недосыгаемым для ударов. Экспедитор делал осторожные шаги вперед, не давая Коту уйти в сторону и медленно прижимая его к фуру. Еще несколько метров, и Кот окажется припертым к борту грузовика, а там из него можно сделать рубленый шницель на косточке. Цепь бухнулась в стенку фуры, как паровой молот. Кот едва успел, согнув корпус, уйти от страшного удара.

* * *

Димон Ошпаренный видел расправу над Котом из кабины грузовика. Хриплый, понимая, что лично для него дело может кончиться кисло, попытался раскрыть дверцу и спрыгнуть вниз на снег. Но Димон, не теряя ни секунды, налетел на него, орудуя кулаками. Хриплый вяло отбивался, выставляя вперед руки, вжимал голову в плечи, но это не помогало.

Но он все же успел нащупать ручку, дернуть ее на себя. На одно мгновение Ошпаренный увидел, как в темноте блеснул металл. То ли отвертка, то ли клинок ножа.

– Получай, сука! – крикнул Хриплый.

Железяка воткнулась в живот Димона и вышла обратно. Все произошло настолько быстро, что Ошпаренный ничего не понял, даже боли не ощутил. Он схватил подвернувшийся под руку термос, несколько раз с размаху навернул им по голове Хриплого, услышав, как под жестяным корпусом лопнула колба. Хриплый, схватившись за разбитую голову, сполз на пол, толкнув дверцу плечом, вывалился из кабины. Димон прыгнул на него сверху, но упал на снег. Хриплого уже и след простыл.

* * *

Килла не мог видеть того, что происходило вокруг. Только что он сцепился с каким-то мужиком, здоровым, как трехстворчатый шкаф. Крепкая башка на толстой шее, а челюсти такие, что о них запросто отобьешь кулаки, а противник едва ли заметит твои удары. Руки словно из дуба вырезаны, к таким кулакам не требуется ни нож, ни кастет. Нужно лишь одно точное попадание в противника. Мужик, уверенный в исходе схватки, криво усмехался, из груди рвалось жуткое урчание.

Сжимая литой кулак, мужик целился Килле в лицо, но тот

всякий раз уворачивался, то наклоняясь вперед, то отступая назад. Мужик был мастером одного удара, прямого в голову, но этот удар никак не удавалось провести. Кажется, попасть под его кулак – это все равно что попасть под грузовик, набравший скорость. Ни единого шанса на спасение. Но противник действовал слишком медленно. Пока он, кряхтя, отводил руку назад и, щуря глаза, целился в Киллу, можно было успеть перекусить да еще бутылку пива опрокинуть.

Промахнувшись в очередной раз, мужик шагнул вперед. Килла понял, что оборона тут не лучший вариант, рано или поздно кулак влетит, куда ему положено. И тогда... Килла отступил из полосы света в крошечную темноту. Мужик сгруппировался, прижав левую руку к груди, правую занес за голову. Килла снова отступил, но не назад, а влево, выставив вперед предплечье.

На мгновение потеряв цель, мужик ударил не слишком сильно, Килла отбил руку. Шагнул вперед, вцепился противнику в волосы левой рукой, запрокинув голову назад, ребром правой руки со всей силы саданул по горлу, выбив из противника странный хлюпающий звук. Мужик повалился спиной на снег, Леха двинул ему каблуком в нижнюю челюсть. Согнув правую ногу, опустил ее на живот. Периферическим зрением Леха заметил слева какое-то движение, повернул голову. Из темноты вылетел кулак, обмотанный офицерским ремнем. И врезался в зубы. На лету Килла успел подумать, что эта рука оказалась длинной, как шлагбаум, таким ударом

можно запросто быка завалить. В следующую секунду он перестал ориентироваться в пространстве, получив подметкой сапога в грудь, а затем в живот.

– Пацаны, – заорал он. – Костян... Костян...

Попытался встать, но снова растянулся на снегу, схлопав по шее чем-то тяжелым, то ли суковатым дрыном, то ли куском кирпича. Нависший над Киллой человек хотел все решить в секунду: пришил Киллу ударом каблука в висок. Но Килла вертелся на снегу, отползал, уходил из-под подошвы сапога, но слишком быстро терял силы. Совершив еще несколько переворотов, он все же вскочил на ноги, распахнул куртку, выхватил из-под ремня ТТ. Но тут кто-то зацепил его подножкой, Килла, снова растянувшись на снегу, выпустил пистолет из рук. По скользкому насту ствол откатился куда-то в сторону, в темноту.

Ошпаренный сидел на снегу, привалившись спиной к переднему скату, прикрывая рану в животе ладонями. Вокруг него металась какие-то люди, двигались человеческие тени, слышались крики, матерная брань, но Димон не обращал внимания на эти мелочи. Он прислушивался к своему животу. Там что-то клокотало и булькало, будто через рану в живот сыпанули стакан стирального порошка. Димон подумал, что рана наверняка серьезная. Еще он подумал, что не пройдет и десяти минут, как озверевшие водители перебьют их по одному. И поминай как звали. Майка, трусы и верхняя часть штанов уже пропитались кровью, сделались горя-

чими и тяжелыми. Он запаниковал: ему показалось, что вместе с кровью из него вытекает жизнь. Вот сейчас вытечет до последней капли – и все! Его охватил страх смерти, самый сильный страх, какой он когда либо испытывал в жизни...

Димон попытался подняться на ноги, но получилось только с третьей попытки. Он поставил ногу на подножку, ухватившись скользкой от крови ладонью за ручку дверцы, разогнул левую ногу, правой оттолкнулся от земли. Кое-как заполз в кабину, поставил ноги на педали. И тут испугался, что потеряет сознание, не доведет начатое до конца. Он дал себе небольшой отдых, секунд десять. Набрал в грудь побольше воздуха, завел двигатель, врубил заднюю передачу и, до хруста сжав пальцы, обхватил ими руль. КамАЗ стал медленно отъезжать на свое прежнее место, очищая дорогу бумеру.

* * *

Рама оказался в широком проходе между двумя фурами, трое противников стояли на расстоянии нескольких шагов от него. Молча сопели, словно прикидывали про себя, кому начинать атаку первым или вместе броситься на Петю, сбить с ног, затоптать. Рама, выставив вперед левый кулак, пару секунд выбирал себе жертву. Не придумывая заковыристых приемов, Рама просто шагнул вперед, выставив правую ногу, нанес удар левой ногой, носком ботинка в солнечное сплетение. Человек согнулся пополам и лег на землю.

– А-а-а, бляди, – застонал он и затих.

Повернувшись к дядьке, стоявшему посередине, Рама левым предплечьем отклонил его удар и нанес свой удар, сдвоенный. Основанием кулака сверху вниз по носу и подошвой правой ступни в пах. Мужик, вскрикнув, рухнул на снег и больше не поднялся. Последний драчун в солдатском бушлате и вязаной шапочке, тихо поскуливая, осторожно отступал назад, стараясь выйти на открытое пространство. Рама обеими руками ухватил его за ватные плечи, дернул на себя и, выставив вперед колено, саданул противнику в пах. Опустил левую ногу и ударил правым коленом. И для надежности припечатал морду кулаком.

Рама рванулся вперед, на выручку Коту, но тут кто-то, подкравшись сзади, налетел на него, повиснув на плечах, согнул руку в локтевом сгибе, просунул ее под подбородок. И стал медленно сгибать, перекрывая кислород, пальцами другой руки вцепился в лицо, стал давить указательным и большим пальцем на глаза. Рама попытался дернуться вперед и в сторону, но только хуже сделал. Боль в глазах стала совершенно невыносимой. Казалось, еще две-три секунды и глазные яблоки, не выдержав давления, просто лопнут. Он замер на месте, боясь пошевелиться. Времени на раздумья не осталось.

Рама выставил ногу вперед, резко согнув ее в колене, ударил противника каблуком ботинка в голень. Человек застонал, хватка ослабла. Рама, согнув колени, чуть присел и уда-

рил нападавшего ребром ладони в промежность.

* * *

Кот, получив удар цепью по лицу, понял, что долго не продержится. Какие-то люди, появляясь из темноты, все теснее обступали его, отрезая пути к отходу. Экспедитор все тряс цепью, выбирая момент для нового сокрушительного удара, который свалит противника с ног. Неожиданно Кот упал на снег, резво перебирая руками и ногами, пролез под фурой, бросился к бумеру.

Распахнув заднюю дверцу, вытащил из-под сиденья ПМ. Передернул затвор, побежал назад. Какой-то гад, вооружившись ножом, резал крышки бумера.

– Уйди от машины! – заорал Кот и пальнул в землю.

Человек замер, будто увидел живого призрака.

– Убью! – заорал Кот.

Мужик от испуга выронил нож, исчез в темноте. Посередине площадки, окруженный собутыльниками, стоял экспедитор, грозно потрясая цепью.

– Стоять, суки! – крикнул Кот. – Кто с места рыхнется, завалю.

Мужики отступили назад. Только экспедитор остался, где стоял.

– Ты что это там достал? – пролаял он в ответ. – А ну убери свою пукалку.

Экспедитор сделал несколько шагов вперед. Костян, немного опустив ствол, нажал на спусковой крючок. Выстрел. Пуля попала ниже колена, в голень. Нога подломилась, экспедитор, бросив цепь, завалился на бок и завыл пособачьи. Мужики, видя, что дело серьезное, попадали носами на землю и замерли, не смея пошевелиться.

– На землю всем, – из темноты вынырнул Килла. – На землю, суки рваные!

– Лежать, мрази! – кричал Кот.

Кот помог Раме выбраться из этой кучи малы. Килла бросился искать выпавший из руки ТТ. И быстро нашел. Он вернулся к лежащим на снегу мужикам, потыкал стволом одного, другого, третьего...

– Ну, все, хана вам всем, падлам, – пообещал он. – Сейчас завалю, падлы! Уроды вонючие!

– За руль, Килла, – крикнул Кот.

Он уже перетащил Димона из грузовика на заднее сиденье бумера. Надо было уезжать, не теряя ни минуты.

Глава третья

Около часа бумер катил по темноте, петляя по проселочным дорогами. Ни встречных машин, ни указателей. Когда на место одного из двух пропоротых колес поставили запаску, машина пошла лучше. Но тачку трясло, дефектное колесо жевало резину. Димон, согнув ноги и положив голову на колени Рама, лежал на заднем сиденье, временами стонал в голос. Эти стоны доводили до исступления. Но когда Димон терял сознание, они прекращались. Рама, напуганный тишиной, принимался теревить Ошпаренного, пока тот снова не приходил в чувство. Пару раз останавливались, врубали свет в салоне, задирали Димону рубаху, осматривали живот. Но что там разглядишь... Все пузо и даже грудь залиты кровью, которая быстро засыхала и шелушилась, как старая краска.

Костян вытаскивал аптечку, скатывал из обрезка бинта жгутик, засовывал его в глубокую рану. На какое-то время кровотечение остановилась. Димон продолжал стонать, беспокійно елозил на сиденье, стараясь перевернуться со спины набок. Но любое движение вызывало новый приступ боли. Рама держал его за плечи, чтобы не вертелся, повторяя: «Тише, тише ты». Но Димон не слушал или не понимал слов, делал новые попытки перевернуться набок. Кровотечение продолжалось, Ошпаренный быстро слабел.

– Держись, братан, – повторял сидевший за рулем Кил-

ла. – Сейчас мы тебе больничку найдем.

– Хрена мы тут чего найдем, – вздохнул Кот. – Темень такая. Глухомань.

После очередной остановки проехали еще километров пять. С обеих сторон асфальтовую дорогу в два ряда обступил хвойный лес. Где они сейчас? Куда едут? Неожиданно впереди на обочине показался яркий щит, укрепленный на железных столбиках. Кажется, указатель. Издалека отчетливо виден красный крест. Вот это удача. Значит, где-то совсем рядом, возможно, в двух шагах, за следующим поворотом, больница или госпиталь. Красный крест... Не зря сюда перли, не ошиблись, выбрав направление.

Килла притормозил, чтобы получше разглядеть указатель.

– Тьфу, мать их, – выругался Килла.

На большом куске жести был нарисован горящий костер, на заднем плане голубой лес и речушка. Лирическая картинка перечеркнута жирным красным крестом. Внизу надпись: «Костер рыбак не погасил, окрестный лес огонь скосил».

– Вот же кидалово, – кивнул Кот.

Димон снова застонал. Проехали еще пару километров, миновали спящую деревеньку в несколько дворов, ни одно окно не светится, даже собаки не лают. И снова потянулся мрачный лес, которому, кажется, не будет конца. Из-за дальнего поворота вынырнул светлый микроавтобус, фары дальнего света ослепили Киллу, он не мог разглядеть тачку до

тех пор, пока она не поравнялась с бумером. Уазик с красной полосой вдоль кузова и надписью «Скорая помощь». Машина проехала мимо.

– Это же «скорая», – крикнул Килла.

Врубив заднюю передачу, стал отчаянно сигналить. Задом он погнал бумер за уазиком. Поравнявшись с ним, опустил стекло, стал кричать водиле, чтобы тот остановился. Уазик шел тяжело, лысая резина плохо держала дорогу. Но водитель, напуганный появлением странной иномарки и этой неожиданной погоней, не сбавлял ход.

– Да тормози ты! – кричал Килла, срывая голос. – Куда прешь, урод? Тормози, тебе говорят.

Прибавив хода, бумер задом обогнал машину «скорой помощи», встал перед ней, перерезав дорогу. Водитель ударил по тормозам, понимая, что гонка проиграна. Килла открыл дверцу кабины. Костяк вышел из машины, стукнул ладонью по ветровому стеклу уазика.

– Где доктор?

– У нас там человек умирает, – Килла показал пальцем на бумер.

– Нет тут никакого доктора, – водила выпрыгнул из кабины, помотал гривой седых волос. Он уже справился с первым испугом, поняв, что машину у него никто отбирать не собирается и самого, кажется, не покалечат.

– Да ты чего, не понял? Я тебе говорю: давай в больницу вези.

Костян схватил водилу за шкирку, тряхнул. Приподнял и снова поставил на асфальт.

– Ну, где доктор?

– Говорю же, это моя машина, – сказал мужик. – Я ее выкупил. У нас уже пятый год больница не работает, вот я и...

Кот обошел узик, схватившись за ручку, рванул ее на себя. Дверца распахнулась, на мокрый асфальт посыпались вилки капусты, которыми микроавтобус оказался набит по самую крышу. Капуста падала и падала вниз, пока на дороге не образовалась целая гора из зеленых кочанов.

– А где ближайшая больница? – напирал Килла.

– Я же говорю, в Полыни.

– Какие Полыни, чего ты гонишь?

– Райцентр Полыни, – терпеливо объяснял водила.

– Короче, разворачивайся, – сказал Кот. – Выгружай свои овощи. Повезешь нас в эти Полыни. Покажешь, как там все.

– Ребят, у меня бензина не хватит, – заволновался водила. – И вообще, не надо вам в Полыни. Мы тут все у Собачихи лечимся.

– У какой еще Собачихи? Слушай, ты что больной или прикалываешься? – дергался Килла. – Совсем охренел...

– Да подождите вы, – крикнул Кот. – Давай рассказывай, что за Собачиха.

– Ну, я же говорю, бабка... Она поможет, ну, если роды принять. Или что. В прошлом годе Вити Смирнову ногу ко-силкой отрезало. Так она пришила. За раз.

– Ладно, давай, поехали к твоей Собачихе, – сдался Килла.

– Нет, не поеду, – нахмурился водила, его глаза потемнели от суеверного страха. Кажется, мужик боялся эту старуху. – Я точно сказал: не поеду.

– Ты чего, офигел? – Килла схватил мужика за отвороты телогрейки, потянул на себя, несколько раз припечатал спиной к борту уазика.

Кот кое-как оторвал Киллу от водилы.

– Скажи, как доехать до твоей Собачихи.

– Да тут всего полкилометра по трассе. Потом направо. Там плохая дорога будет, дождями развезло. Потом старый комбайн. От него первый дом – Собачихин.

– Пошли, – сказал Рама, отступив от водилы.

– Ладно, мужик, спасибо тебе, – добавил Кот.

Поворот нашли без труда, съехали с асфальта на припорошенную снегом грунтовку, сбавили ход.

Через пару минут колеса провалились в промоину, схваченную сверху ледяной коркой и укрытую снегом. Рама, пересевший за руль, выругался. Он попытался сдать бумер назад, дергал вперед. Но колеса лишь глубже увязали в рыхлых колеях. Снег и комья грязи летели из-под покрышек. Движок захлебывался на полных оборотах, но бумер никак не хотел вылезать из промоины.

– Все, сели, – покачал головой Рама.

Кот и Килла, выбравшись из машины, принялись толкать

бумер сзади, но машина только глубже увязала в раскисшей глине. Рама попеременно врубал передний и задний ход, выворачивал руль. На заднем сиденье очнулся и начал стонать Ошпаренный. Он больше не говорил связных слов, не просил пить, выдавливал из себя какие-то междометия и снова стонал. Кажется, у него подскочила температура, начинался бред. Бумер рывками двигался назад и вперед, пока не сел по самое брюхо.

– погоди, Петька, сейчас еще толкнем, – крикнул Кот.

Но в машине уже никого не было. Кот увидел спину Рама. Чтобы не поскользнуться и не упасть, Петя широко расставлял ноги и, медленно удаляясь от бумера, шагал вдоль заполненной водой колеи, неся на руках затихшего Димона.

– Рама, куда ты? – крикнул Килла. – Рама, ты чего, оглох?

Рама, экономя силы, не отвечал. Кот побежал следом.

– Куда ты пошел? – кричал он. – Подожди, давай помогу. Килла, тяжело вздохнув, побрел следом.

* * *

Вадим провел в камере несколько часов, а потом его отвели в кабинет на втором этаже. Мент в штатском представился старшим следователем ОВД Павлом Анатольевичем Суслиным. Обычный мужик, среднего роста, в сером недорогом костюмчике и галстукe, которые вышли из моды в незапамятные времена.

Суслин сразу не понравился Вадику: глаза красные, видно, что с перепоя. Губы плотно сжаты, будто следователь уже решился на какую-то пакость и теперь остается только провести это решение в жизнь.

– У вас нет времени, и у меня его кот наплакал, поэтому давайте скорее покончим со всеми формальностями, – предложил мент, но не пояснил, с какими формальностями надо скорее покончить. Достал из сейфа папку с номером и, откинувшись на спинку стула, стал неторопливо переворачивать рукописные странички.

Пауза растянулась на четверть часа.

– Послушайте, у меня билет на поезд, – сказал Вадик, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно. Он посмотрел на часы и понял, что тот поезд давно ушел, увозя тетю Тоню от неприятностей и проблем. – Черт... Я все это уже объяснял мент... милиционерам на вокзале. В зале ожидания, который слева от главного входа, меня ждала моя родная тетка Антонина Егоровна Супрунец. Я прошу вас: снимите трубку, позвоните в линейное отделение. Пусть проверят...

– Молодой человек, не морочьте мне голову вашей тете, – поморщился Суслин. – Наверное, когда-нибудь вы штудировали УПК. Должны знать, что ваши родственники имеют право не давать показания, изобличающие вас в содеянном. Поэтому цена тетиним рассказам, – последнее слово Суслин произнес, как плюнул, да еще скорчил презрительную гримасу, – цена им три копейки в базарный день. Пусть

она спокойно катит на родину и ни о чем не вздыхает.

– А как же я? У меня же...

– У вас на руках просроченный билет, это я уже слышал, – кивнул Суслин. – На этот поезд вы опоздали. У меня к вам несколько вопросов. Постараюсь покороче. И вообще я сделаю все, чтобы не задержать вас здесь ни одной лишней минуты.

– Но тогда почему меня взяли на улице и доставили...

– Не кипятитесь, – следователь выставил вперед ладонь, жестом призывая собеседника к спокойствию. – Это в киношках вопросы задает только следователь. В жизни все по-другому. Можете спрашивать меня, о чем хотите. Но наберитесь терпения. Всему свое время. А на поезд вас обязательно посадят, отобьют новый билет. И всех дел. Я лично позвоню дежурному по вокзалу, вам помогут с переоформлением. Договорились?

– А у меня есть выбор? – робко усмехнулся Вадим.

Следователь разложил на столе бланк допроса свидетеля и, сверяясь с паспортом Вадима и задавая короткие вопросы, принялся бисерным старушечьим почерком покрывать бумагу. Фамилия, год и место рождения, образование и специальность... Вадим скучал, гадая про себя, когда и чем кончится эта тягомотина.

– Значит, ты по образованию дорожный строитель? – почему-то обрадовался Суслин. – В некотором смысле мы коллеги. Я тоже закончил автодорожный. Только не в Киеве, в

Питере. И специальность другая: мосты, инженерные коммуникации.

Вадим хотел спросить: каким макаром строители мостов становятся старшими следователями криминальной милиции, но решил, что в его положении подкалывать мента по меньшей мере глупо. Суслин, открыв папку, порылся в бумагах, передал Вадику фотографию женщины лет сорока с небольшим. Лицо круглое, полноватое, на щечках ямочки, платиновая блондинка, прическа высокая, нечто подобное с незапамятных времен носят работники торговли. Пиджачок старомодного кроя, темная блузка. Таковую встретишь на улице, не оглянешься. Глубоко зевнув, Суслин спросил, знаком ли Вадим с этой особой.

– Никогда ее не видел. У меня хорошая память на лица.

– Валентина Нефедова, аферистка со стажем, – сказал следователь, убирая фото в папку. – Мы ее ловили почти два года. Без особого успеха. Занималась риэлторской деятельностью. Организовывала фирмы-однодневки и продавала проstackам новые квартиры, которые уже находились в собственности других граждан.

– Я не интересуюсь московским жильем, – ответил Вадим. – Целыми днями вкалываешь на чужих людей. Денег хватает на хлеб с маслом.

Вадим немного успокоился. В коридоре слышались чьи-то шаги, женский голос. Через окно, забранное декоративной решеткой, виднелся кусочек неба, усыпанный звезд

дами. Почему-то верилось, что в такой прекрасный вечер с человеком не может приключиться ничего дурного.

В дальнем темном углу кабинета лежали объемистая красно-синяя сумка и темный рюкзак. «Молнии» застегнуты. Видимо, перед началом допроса барахло снизу, из дежурной части, перенесли сюда и просто свалили в углу. В сумку наверняка заглядывали, но поленились выгружать из нее шмотки, просто прощупали их. Авось, найдется ствол, тротиловая шашка или пакет с анашой. И твердое днище, под которым разложены пакетики с деньгами, понятно, не поднимали. Менты в своем репертуаре: хватают только то, что само плывет в руки. Если бы они знали, какой сюрприз спрятан там под днищем, под тряпками... Господи, что бы тут началось...

– А этот предмет вам знаком?

Суслин, выдвинув ящик, положил на стол охотничий нож.

– Мне ближе знакомы мастерок и малярная кисть, – покачал головой Вадим. – А это первый раз вижу.

– Нет, вы все-таки подумайте. Пожалуйста, посмотрите повнимательнее. Возьмите в руки. Только осторожнее, не обрежьтесь. Очень острый клинок.

Вадим взял нож, повертел его в ладонях. Дома у него была парочка похожих игрушек, китайская подделка, сработанная из негодного железа, которое даже заточку не держит. А это настоящее боевое оружие из прочной стали, сделано в Англии. Обоюдоострый широкий клинок, латунный тыльник,

деревянная рукоятка с графитовым напылением. Нож так и просится в руку. Подушечкой пальца Вадим осторожно коснулся заточенного клинка, едва не порезал кожу.

– Ну, светлые мысли в голову не приходят?

– Ни светлых, ни темных. Не мой ножик.

– Так и запишем, – следователь склонился над листками протокола.

Вадим положил нож на стол. Закончив с писаниной, Суслин с ловкостью фокусника выудил откуда-то, едва ли не из рукава, продолговатый прозрачный пакет. Взяв нож двумя пальцами, нежно упаковал его в целлофан, запечатал пакет и сунул в ящик стола. Сердце Вадима забилося тревожнее. Точно, мент задумал какую-то пакость. Но что у него на уме?

* * *

Дорога к дому Собачихи оказалась недалекой, но на место пришли, когда над полем уже занималась утренняя заря. Ошпаренного тащили попеременно. Димон стонал, отключался, снова приходил в себя и начинал стонать. Он открывал глаза, видел над собой серое небо, по которому медленно плыли низкие облака, шевелил растрескавшимися губами. Кажется, спрашивал, где он и куда его несут на руках. Когда дорога повернула в сторону, решили срезать путь, взяли напрямик через поле, ориентируясь на проржавевший остов комбайна, брошенного здесь в незапамятные времена. Шли

гуськом, след в след. Ноги вязли в рыхлом снегу, от ветра, разгулявшегося на открытом пространстве, слезились глаза.

В окнах старой избы за невысоким забором, сбитым из горбыля, как ни странно, горел свет. Когда через незапертую калитку вошли на двор, Килла долго барабанил в окно ладо- нью.

– Эй, есть кто дома? Эй, как тебя там? Собачиха, открывай.

Тишина. Хозяйка не появилась, даже матерчатая занавеска не дрогнула. Килла толкнул дверь, оказавшуюся открытой, Рама осторожно пронес Димона через холодные сени в горницу. Раненого уложили на лавку у окна. В единственной комнате жарко натоплено, на комодe коптит керосиновая лампа, а людей нет. Килла осмотрелся, заглянул в закут за печкой, отделенную от комнаты старой латаной занавеской. Вернулся, стал трясти Кота за рукав.

– Кот, поди сюда. Поди быстрее.

И потащил за собой в закуть. Кот, протиснувшись за занавеску, замер от неожиданности. На высокой скамье лежала пожилая женщина, седые волосы скручены пучком на затылке, вязаная кофта застегнута на все пуговицы, глаза полуоткрыты. Руки скрещены на груди.

– Смотри, – сказал Леха Килла.

Лицо бледное, нос заострился, как у лежалого покойника. В закуте темно и душно, пахнет лампадным маслом и сушеной травой. Кажется, женщина не дышала.

– Эй, Собачиха, вставай. Слышишь?

Костян потряс старуху за плечи, поводил ладонью перед лицом.

– Да вставай же ты...

И отступил назад. Похоже, что хозяйка того... Приказала долго жить.

– Слышь, Килла, да она умерла, – прошептал Костян. – У нее глаза стеклянные.

– А ты послушай, дышит она или нет, – Килла прятался за спиной Кота.

– Да ты сам послушай.

Кот попятился назад, задернул занавеску, решив про себя, что они попали в дом покойника. Видимо, старуха еще вечером истопила печь, почувствовала себя худо, сил не хватило даже фитиль в лампе задуть. Она доковыляла до закути за печкой, легла на полати, скрестив руки на груди. Видно, чувала приближение смерти, молилась. И прожила еще час или того меньше. Бог ее прибрал.

– Давай лекарства, что ли, искать.

Переставив керосиновую лампу на полочку, Кот подошел к самодельному фанерному шкафчику, крытому морилкой, стал выдвигать ящики, надеясь найти склянки с лекарствами. Но попадалась лишь сушеная трава в пакетиках, связки каких-то корешков, баночки с мазями неизвестного свойства. Рама сидел на лавке, положив себе на колени голову Димона. Надо бы скинуть промокшую куртку, стащить с се-

бя носки и ботинки, полные воды. Но от усталости, разлившейся свинцом по телу, он не мог и пальцем пошевелить. Димон больше не подавал голоса: то ли забылся сном, то ли снова потерял сознание. Килла шарил по столу, хватал все, что подворачивалось под руку, и, засовывая в рот, работал челюстями. Наворачивая хлеб и холодную картошку, запивал еду травяным настоем из бутылки.

– Ой, горькая, бля, – повторял он. – Ой, бля, горькая...

Кот отступил от шкафчика, решив, что поиски лекарств в этой избе – делодохлое. Когда совсем рассветет, нужно пробежаться по деревни, от дома к дому. Возможно, тут есть медпункт или живет какой-нибудь врач-пензионер. Услышав тихие шаги за спиной, Кот вздрогнул. Килла, отскочив от стола, оглянулся, выпучив глаза, замер на месте. Посередине комнаты стояла мертвая старуха. Для покойника она выглядела очень даже неплохо. Румянец на щеках, кожа гладкая, зубы свои, не вставные.

– Отвар-то я напрасно оставила, – Собачиха показала пальцем на бутылку с травяным настоем, которую успел ополовинить Килла. Оглянувшись, посмотрела на Ошпаренного, вытянувшегося на лавке. – Не подход еще?

Кот, на минуту потеряв дар речи, беззвучно зашевелил губами.

– Ну, чего вам нужно? – спросила Собачиха. – Грабить пришли?

Через несколько минут хозяйка выставила непрошенных

гостей в сени, оставив в натопленной комнате только раненого Димона. Растопив железную печку, парни улеглись вокруг нее на соломе, твердо решив вздремнуть хоть часок. Но не прошло и четверти часа, как тишину разорвал дикий крик Ошпаренного.

– А-а-а-а... Ма-ма-ма...

– Чего она с ним делает? – Килла, открыв глаза, сел, прислушался. – Может, пойдем посмотрим?

– Ага, тебя там только не хватало, – покачал головой Кот.

– А-а-а-а, – надрывался Димон.

– Орет, значит, живой, – сказал Рама, снова лег на солому и с головой накрылся худым одеялом.

Глава четвертая

Следователь Суслин вытащил из папки тонкую стопку фотографий, положил перед Вадиком.

– Вот еще, взгляните.

Снимки черно-белые, сделаны ночью или поздним вечером при помощи фотовспышки. Женщина в кожаном полупальто с меховым воротником лежит на мокром асфальте, раскинув в стороны руки. Пальто распахнулось, шелковая косынка замазана чем-то черным. Светлые волосы похожи на грязные сосульки. Рядом на асфальте раскрытая сумочка на длинном ремешке, вывалились какие-то бумажки, мобильный телефон и записная книжка. Лицо залито кровью, на шее ниже подбородка темная продолговатая дыра.

– Снова не узнали? – следователь улыбнулся. – Нефедова, она самая. Правда, на этих карточках выглядит паршиво. Девять дней назад ее ударили ножом на Мосфильмовской улице. Ударили сзади, в спину. Точно под ребра. А потом, когда она упала, перерезали горло и пищевод.

– Зачем вы мне показываете карточки? И зачем все это рассказываете?

Не ответив, Суслин поднялся на ноги, шагнул к порогу, распахнув дверь, высунулся в коридор. Вскоре перед Вадиком предстал долговязый парень лет двадцати с чумазой мордой, одетый в латаное тряпье со свалки. И воняло от него

так, будто молодой человек только что вылез из помойки. Суслин, усадив оболтуса на стул, что-то пошептал ему на ухо, уселся на прежнее место и, показав пальцем на Вадима, спросил, знает ли гражданин Бубнов Павел Иванович этого человека.

– Черт его поймет, – Бубнов подался вперед, щуря сволочные водянистые глаза, долго всматривался в лицо Вадима. – Ну, не могу точно сказать... Слишком темно было. И бежал он быстро. Раз – и все. Нырнул в темноту. Только пятки засверкали.

– Супрунец, встаньте.

Вадим медленно поднялся со стула. Павел Анатольевич пристукнул по столу ладонью, недовольный ответом Бубнова.

– Теперь смотри. Разуь глаза, смотри внимательно. Этот?

– Кажись, этот.

– Кажись или точно этот?

– Точно, этот, – сдался Бубнов. – Он самый.

Следователь заполнил какой-то бланк, дал Бубнову расписаться и чуть ли не силой вытолкнул его за порог кабинета, сказав, что официальное опознание в присутствии понятых состоится завтра днем. И еще, погрозив Бубнову кулаком, посоветовал сегодня же сходить в баню. Иначе его помогут из брезентовой кишки в подвале ОВД.

– Не в жилу тебе брать на себя эту чертову аферистку Нефедову, – сказал Суслин, устроившись на стуле. – Ну, по-

человечески мне все ясно. Резать бабу, пусть даже по ней тюрьма плачет, это как-то не того... Неэстетично, не по-спортивному. Удар в спину, да еще перерезанная глотка. Заседателям такие вещи не нравятся.

– Я никого...

Суслин не слушал.

– Но тут тебе можно помочь, – продолжал он. – У меня есть парочка других кандидатов. Эти тебе точно подойдут.

– Каких еще кандидатов?

– Ну, криминальные трупы. Вот, скажем, пенсионер Зуев. Между прочим, между нами говоря, – следователь многозначительно поднял кверху указательный палец, – он инвалид третьей группы. Вот так. Хотя его инвалидность к делу не относится.

Павел Анатольевич бросил на стол фото пожилого мужика с перекошенной физиономией. То ли он был в дупель пьяным, то ли нарочно гримасничал в объектив фотокамеры.

– Вот тебе кандидат. Фотография сделана при жизни. Неделю назад его пристукнули молоточком.

– Каким еще молоточком? – тупо переспросил Вадим.

– Для разделки мяса, – объяснил Суслин. – Ему несколько раз наворачнули по башке, бросили живого на диван. А когда он немного очухался и позвал на помощь, вогнали в ухо заточку, сделанную из трехгранного напильника.

– Очень интересно.

– Слушай и запоминай. Зуев, с которым ты познакомил-

ся у винного магазина, пригласил тебя домой, чтобы раздавить пузырь. Во время распития стал приставать к тебе с оскорбительными предложениями. В смысле, хотел тебя потрахать. Ты, разумеется, предложение отклонил, возмутился этой оскорбительной гнусностью. Тогда Зуев навалился на тебя, решив взять свое насильно. Ведь так было дело?

– Насильно? – переспросил Вадим.

– Вот именно, – обрадовался Суслин. – Он был старым педрилой, который трахал все, что шевелится. Встретил у магазина тебя, молодого, симпатичного, и слюна побежала. Короче говоря, ты, защищаясь, схватил со стола молоточек и ударил этого развратника по затылку. Несколько раз. Показать тебе орудия убийства, ту заточку и молоток?

– Не надо, – потряс головой Вадим.

– А то давай, посмотри. Может быть, что-то вспомнишь.

– Я уже нож посмотрел.

– Хорошо. Сейчас ты напишешь явку с повинной. Я свистну Бубнова, он подтвердит твои показания. Так сказать, закрепит их. Он был в вашей компании, но испугался, когда дело дошло до драки, и сделал ноги. Завтра выедем на место преступления и продолжим следственные действия.

– Я смотрю, ваш Бубнов везде был и все видел. И как Нефедову прирезали. И как Зуева пристукнули. Удивительно.

– Давай без лирики, у меня времени мало. Судьи примут во внимание, что ты убил человека, защищая свою честь и

мужское достоинство. Учтут твою явку с повинной, чисто-сердечное раскаяние. Наконец, они рассмотрят личность потерпевшего. Старый вонючий педераст, растленный тип и все такое. Он никому не может внушить симпатии. Короче, получишь ниже низшего предела. Ну, твое мнение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.